

Дуглас Кейн

ПРИЗРАКИ
ТУМАННОЙ ЛОЩИНЫ

★★★ мистический вестерн ★★★

18+

Дуглас Кейн

Призраки Туманной Лощины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149741

SelfPub; 2019

Аннотация

Джерри стал преступником, ступив на тропу мести. Теперь он и его старший товарищ Боунз скрываются от погони в Туманной Лощине. Окрестные жители избегают этого места. Даже днём здесь могут происходить необъяснимые вещи. А ночью посреди лощины появляется дом с тёмными окнами. И если в окнах зажёгся свет – вы можете войти... На свой страх и риск!" Дугласа Кейна следовало бы выпороть за то, что он сотворил с жанром вестерна, однако нельзя не признать, что его сумасшедший экшен захватывает дух, и невозможно, открыв страницу, не дочитать её до конца", – написал один из критиков.

Содержание

Глава 1. Погоня	5
Глава 2. Смерть Амелии Гэллоуэй	15
Глава 3. Невидимые крылья	32
Глава 4. «Огня! Огня!»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

В оформлении обложки использована фотография <https://pixabay.com/ru/испанец-театр-теней-lichtspiel-384477/> автора Hans Braxmeier.

Глава 1. Погоня

Пуля 44 калибра снесла широкополую шляпу с моей головы. Шляпа скользнула по плечу, но я успел подхватить её и снова надел. За спиной прогремели несколько торопливых выстрелов. Кажется, преследователей разозлила моя ловкость, хотя, по правде, моей рукой, скорее, водила удача.

Ветер, сквозя в двойной дыре, охлаждал левую половину головы. Я вытянул из притороченного к седлу чехла свой винчестер, бросил поводья на луку седла и развернулся, прижимая приклад к плечу.

Восьмёрка преследователей, вырвавшись из-за деревьев, растянулась цепью. Копыта их лошадей выбивали из сухой земли тучи пыли. Я поймал на мушку того, кто скакал посередине, приняв его за шерифа Бакстера, и лишь спуская курок, разглядел, что это был всего лишь Том Питерс, увалень, почитавшийся в Роксделле помощником шерифа. Однако он носил такую же светло-серую шляпу, что и Бакстер – из-за шляпы я и взял его на прицел.

Грянул выстрел, плечо привычно приняло отдачу. Том Питерс взмахнул руками, но удержался в седле. Я ранил его, но, по-видимому, несерьёзно.

Преследователи отозвались нестройным залпом. Лишь один, крайний слева, не спешил стрелять. Этот здоровяк с непокрытой головой и был Стивом Бакстером. Он держал

кольт наизготовку, то приподнимая, то опуская его – выбирал момент. Неужели он собрался стрелять с такого расстояния? Тысяча чертей, нас разделяло не менее трёхсот футов!

О Стиве Бакстере ходила слава отличного стрелка. Он не мог не понимать, что с коротким стволом, да ещё на полном скаку, у него нет ни малейшего шанса зацепить меня. Перестрелка шла на ружьях.

Кроме шерифа, ещё двое преследователей были вооружены только револьверами. Я знал их, это были Джек Ривер по прозвищу Кроличья Лапка и Кони Симс, более известный как Полпенса. Я присмотрелся к ним за две недели в Роксделле. Они водили дружбу с Томом Питерсом, и на этом основании считали себя тоже чем-то вроде помощников шерифа, хотя и знали, что сам шериф на это смотрит несколько иначе. Оба уже высадили в белый свет по дюжине пуль и, кажется, только теперь начали подозревать, что занимались безнадёжным делом.

Бакстер ещё раз качнул револьвером, примеряясь, но стрелять не стал. Вместо этого он опустил оружие и дал шпоры коню, пригнувшись к седлу. Остальные продолжали поливать меня свинцом, пока, впрочем, без всякой пользы.

Впереди грянул выстрел Боунза. Я слышал, как пуля просвистела в футе меня, и послал Джеффу испепеляющий взгляд. Тот сделал вид, что не заметил, взвёл винчестер и снова пальнул.

–Джефф! – крикнул я. – Ты и так прикрываешься мной от

этих парней, какого чёрта ты рискуешь своим щитом?

– Заткнись и стреляй! – отозвался Боунз. – Если не разобьём их сейчас, нам крышка!

Почти половину своей недолгой жизни я прожил с оружием в руках. С Джеком Боунзом я езжу уже семь лет, и наши кольты не знают отдыха. Тем не менее, сейчас я вновь убедился, как далеко мне до старшего друга. Он умел чувствовать, что следует делать в то или иное мгновение. Мне даже после его слов потребовалось поразмыслить, чтобы понять, как он видит ситуацию.

А ведь всё очевидно! наших лошадей отягощали не только всадники, но и весьма увесистый груз в перемётных суммах. Они выдохнутся раньше, чем даже костлявая кляча, что несла Кони Полпенса. И они навалятся на нас все вместе. Чтобы повысить шансы, нужно проредить их. Или ухитриться разделить, чтобы потом бить по частям.

Я на скаку дозарядил винчестер. Тем же, видимо, занялись и преследователи. На минуту перестрелка угасла. Тишину холмистой равнины нарушал только drobный топот копыт.

Местность между тем пошла под уклон. Мы спускались в поросшую редколесьем лощину, прозванную окрестными жителями Туманной. В Роксделле о ней говорить не любили. Я выяснил это, расспрашивая о дорогах. Сколь бы словоохотлив ни был собеседник, стоило поинтересоваться, удобно ли ехать Туманной Лощиной, все замолкали и отводили

глаза. Готов держать пари, там приключилась когда-нибудь скверная история.

Может быть, что-то вроде истории Голденгроува...

Во время ночной встречи с Джеффом Боунзом я рассказал ему о Туманной лощине. «Подходяще, — кивнул тогда Боунз. — Наивно полагать, что никто из местных не знает её тропинок. Но дай мне день — и я буду знать их лучше».

Теперь Боунз уверенно скакал к ручью, что поблёскивал сквозь ветви кустарника. Я впервые был в Туманной лощине. С первого взгляда она не казалась местом, в котором легко оторваться от погони. Но чем ниже мы спускались, тем яснее становилось, что первое впечатление обманчиво. Приметы, которые бросались в глаза при взгляде сверху, терялись одна за другой: местность была неровная, похоже, ручей, рассекая лощину, прорезал в ней немало оврагов и укромных балок.

Я попытался угадать, где Боунз решит дать бой: у поваленного дерева? за кустарниками? на том берегу ручья? — но так ничего и не придумал.

Позади между тем раздался нестройный залп. Оглянувшись, я убедился, что расстояние между нами и преследователями заметно сократилось. Какие бы мрачные тайны ни держали их в стороне от Туманной Лощины, они хорошо её знали и понимали, что здесь у нас с Боунзом больше шансов потрепать им нервы. Поэтому они нахлёстывали лошадей и уверенно настигали нас, в то время как наши скакуны уже выбивались из сил.

Я ощутил тупой толчок и догадался, что мою поясницу от пули только что защитила скатка одеял. Свинцовый шмель прогудел возле уха. Я резко развернулся и всадил пулю в ближайшего преследователя. Тот вздрогнул, напрягся, привстал в стременах и тут же обмяк, выронил дробовик и завалился набок, соскальзывая с лошади. Кажется, это был кто-то из слуг дома Гэллоуэя.

Нэд Гэллоуэй скакал правее и целился из такого же, как у меня, винчестера. Я осознал, что у меня мучительно зудит левый бок, и уже не сомневался, что именно в это место попадёт пуля старшего сына старика Фрэнсиса, если я позволю ему спустить курок.

Я поспешил поймать его на прицел. В этот миг лошадь мулата, конюха из дома старика Фрэнсиса, прыгнула через камень, спугнув чёрную, как копоть, кобылу Нэда. Кобыла резко взяла влево. Наши с Гэллоуэем ружья грянули одновременно – и мы оба промахнулись. Оба одновременно передёрнули затворы.

Кажется, в обращении с винчестером он был не менее ловок, чем я. Вполне возможно, секунду спустя мы с ним удостоверились бы, что наши силы равны, синхронно прикончив друг друга. Однако судьба распорядилась иначе. Следующий выстрел сделал Стив Бакстер, и пуля его сразила наповал мою лошадь.

Я и сам не заметил, когда успел вынуть ноги из стремян. Вероятно, предчувствие заставило меня сделать это загодя.

Я доверял своим предчувствиям. Только они и позволили мне дожить до двадцати двух лет. Я успел спрыгнуть с падающей лошади и избежал скверной участи быть придавленным ею.

Тяжело нагруженное животное рухнуло, не издав ни звука. Взыл я, когда прокатился по земле, прочувствовав спиной каждый камень. Однако я не дал себе ни мгновения на то, чтобы перетерпеть боль. Превозмогая себя, приподнялся и нелепым лягушачьим прыжком бросил тело под защиту павшей лошади.

Преследователи обрушили на меня шквал свинца. В ещё горячий, но мгновенно отвердевший труп впились три или четыре пули, несчётное число их пролетело у меня над головой. Шляпу опять сорвало со взмокших волос. Однако мои руки не дрожали. Они у меня никогда не дрожат. Я только вдохнул и выдохнул, вместе с воздухом выталкивая из побитого тела боль, а руки в это время сами нацелили ружьё на Нэда Гэллоуэя.

Может быть, я не умею просчитывать действия на много шагов вперёд, как Джефф Боунз, но чую опасность способен. И сейчас твёрдо знал, что из преследователей наибольшую угрозу представляют именно Нэд и Стив Бакстер. Слуги Гэллоуэев тоже были серьёзными парнями, но против отставного офицера и шерифа они были всё равно, что воробьи против орлов. Я это чувствовал, и потому первым выстрелом решил снять Нэда, а вторым – Стива.

К сожалению, не удалось. Проклятый мулат опять влез между мной и старшим сыном Фрэнсиса. Можно было не сомневаться, что он сделал это нарочно. Похоже, преданность среди слуг проклятого семейства Гэллоуэев – дело обычное.

Нэд принял самопожертвование мулата как должное, «спрятался» за него, держа винчестер наготове. К слову, и Стив Бакстер схитрил: пропустил вперёд свою свору бестолочей. Те и рады были нахлёстывать скакунов. Вообразили, будто, лишившись лошади, я стал лёгкой добычей, и азартно высаживали в мою сторону один заряд за другим.

Им не пришло в голову, что, хотя я нахожусь в смертельной опасности, именно в эту минуту моё положение намного выгодней. Ведь я находился в достаточно надёжном укрытии и целился с твёрдого упора. Преследователи превращались для меня в мишени.

Свинец гудел над головой, обдавая волнами жара. Из ещё горячего трупа лошади летели кровавые брызги, пятная моё лицо.

Я спустил курок. Пуля клюнула мулата в грудь, и он стал заваливаться назад. Не дожидаясь, когда его падение откроет мне Гэллоуэя, я сместил прицел влево. Клацанье затвора, выстрел – Кроличья Лапка дёрнулся и вывалился из седла.

Теперь мне был виден шериф с непокрытой головой и кольцом наготове. Он выстрелил – заряд прошёл, должно быть, в дюйме от правого виска. Я рванул затвор и молниеносно послал ответную пулю.

Однако достать Бакстера оказалось не так-то просто! Предчувствуя мой выстрел, он выпростал левую ногу из стремени и резко наклонился. Буквально повиснув на правом боку лошади, он выстрелил в меня из-под морды животного, и снова я услышал гудение свинцового шмеля рядом с головой. Пришлось, чтобы остудить пыл шерифа, прикончить его лошадь.

Не люблю убивать лошадей. Нечастное животное, виноватое только в том, что на него взгромоздился человек, намеренный отправить меня на тот свет, рухнуло с коротким истощным ржанием. Копыта мелькнули в воздухе. Кажется, лошадь сломала шею. Я мог только порадоваться: она умерла почти так же быстро, как моя, без мучений.

Надежда на то, что Стив Бакстер расшибётся или хотя бы покалечится при падении, была слабой. Чутьё подсказывало мне, что ублюдок слишком удачлив. И верно, он успел спрыгнуть и повторить мой трюк, спрятавшись за трупом лошади.

Так или иначе, эту опасность я если не устранил, то заметно уменьшил. Попасть в мою голову с такого расстояния Бакстеру едва ли удастся. На меня, нахлёстывая коней, накатывали ещё четверо противников, и первым делом нужно позаботиться о Нэде Геэллоуэе. Ещё один его слуга, рослый метис – вроде бы его звали Бэндж – вырвался вперёд, прикрывая хозяина и размеренно выпуская в мою сторону пулю за пулей. Не отставал и Полпенса со своим кольцом.

К ним присоединился Том Питерс, неловко ворочая карабином. Рана его давала себя знать, однако это уже не имело значения. Град свинца заставил меня пригнуться.

Плохо! Преследователи мчались во всю прыть, и когда я в следующий раз приподниму голову, Нэд Гэллоуэй будет стрелять всё равно что в упор.

Из-за одного лишнего мгновения, потраченного на Бакстера, моя выгодная позиция превратилась в ловушку!

Однако прежде, чем я успел хорошенько это осознать, к яростной перестрелке присоединился ещё один ствол.

Оказалось, ещё в тот момент, когда подо мной убили лошадь, Боунз резко свернул в сторону и взлетел на поросший терновником пригорок. Там он спешил и, стоя в рост, принялся стрелять поверх кустов.

Кажется, он не слишком тщательно целился, просто поливал преследователей огнём со всей возможной скоростью.

Недолго думая, я поддержал его столь же энергичной пальбой, почти не поднимая головы над лошадиной тушей.

—Проклятье, мы поляжем тут без всякого толку! — донёсся до меня голос шерифа. — Уходим!

Я полностью разрядил свой винчестер, выхватил кольт и, держа его наготове, выглянул наконец из укрытия.

Преследователи отступали. На моих глазах Стив Бакстер поймал оставшуюся без седока лошадь, которая недавно несла на себе мулата-конюха. Взлетев в седло, шериф быстро выпустил оставшиеся в барабане три заряда в сторону при-

горка и поскакал вслед за Нэдом, Бэнджем и Симсом.

Боунз – отличный стрелок, хотя в последние годы и начал уступать мне в скорости и меткости. Ещё лучше рук работают у него мозги. И чутьём он не обделён, хотя его чутьё совсем иной природы, нежели моё.

Он как нельзя лучше выбрал момент, когда следует вступить в бой.

И если бы он знал, что широкополая шляпа с серебряной звездой украшает голову не шерифа, а увальня Питерса, безусловно, можно было бы сказать, что он выбрал не только наилучший момент, но и наилучшую цель.

Пули Боунза сразили Тома Питерса наповал. Он лежал, раскинув руки и бессмысленно таращась в небеса, всего в сорока футах от меня.

Глава 2. Смерть Амелии Гэллоуэй

—Паршиво, Джей Би, паршиво, – сокрушённо покачал головой Боунз. – У нас одна взмыленная лошадь на двоих, и это не считая груза. Против нас – всё мужское население Роксделла во главе с двумя опасными стрелками. Бывший капитан-кавалерист, который пачками отстреливал и шайеннов, и коменчерос, да матёрый шериф, который упёк в тюрьму не меньше дюжины конокрадов, и столько же, если верить слухам, схоронил тайком по укромным долинам.

Восемь туго набитых кожаных сумок сейчас пригнетали к земле серую лошадь Боунза. Мы с Джеффом шли по обеим сторонам от неё. Я держал винчестер наготове, а Боунз время от времени советовал мне не вертеть головой, чтобы не оторвалась:

—Не станут они рисковать. Зачем? Мы с тобой заперты в Туманной Лощине. Говорю тебе, они отправили Полпенса за подмогой, а сами давно уже расселись на выходах. А выходов из лощины, как на грех, ровно три. Если бы знать наверняка, где засел Бэндж... так зовут метиса, верно?

—Верно, – кивнул я. – Только я бы не стал рассчитывать на то, что он намного слабее Нэда. К сожалению, Гэллоуэй брали себе на службу только крепких парней.

—И всё же, если рисковать, я бы предпочёл выйти на него, а не на Нэда или Стива Бакстера. Да хватит вертеться! Говорю

тебе, Джей Би, сейчас можно перевести дыхание.

Лошадь споткнулась, и Боунз ласково погладил её по шее, подбадривая.

Я вновь оглянулся по сторонам. А, чёрт возьми, шея действительно заныла! Я помассировал её левой рукой и, вздохнув, повесил винчестер на плечо.

Боунз рассудил справедливо, в ближайшую пару часов нам нечего бояться.

Правда, меня не оставляло ощущение, будто на меня устремлён чей-то внимательный взгляд. Но это, конечно, из-за нервов. Если бы чутьё предупреждало меня о действительной опасности, я бы знал, с какой стороны этот взгляд направлен. Так бывало всегда прежде, а сейчас мне то казалось, что неведомый враг поджидает впереди, то – что готовится напасть со спины. То близко он мерещился, то далеко.

Точно, нервы.

Солнце уже достигло зенита. Воздух на дне лощины словно сгустился. Мы двигались вдоль ручья. По берегам росли высокие деревья, но их ветви спасали лишь от палящих солнечных лучей, а не от духоты. Моя рубашка намокла от пота.

Боунз спустился к ручью и умыл лицо.

– Это точно был Питерс, а не Бакстер? Ты не мог ошибиться? – спросил он, возвращаясь и вытирая руки о штанины.

– Я вроде бы не пропил мозги в этом чёртовом Роксделле! – огрызнулся я. – Не было ни одного дня, когда бы рожа шерифа не маячила перед глазами. Он шлёлся за мной по

пятам, думаю, и в отхожем месте проверял, такое ли дерьмо я оставляю после себя, как все прочие люди. Я до тошноты насмотрелся и на него, и на Тома Питерса. Поверь: ты расстрелял безобидного подранка, которому я уже пустил кровь и который мог бы промахнуться, заправляя своё достоинство в штаны, не то что из ружья по человеку! Стив Бакстер ушёл невредимым...

—Ну что ж, у него есть все основания благодарить тебя...
— промолвил Боунз и свёл к воде лошадь.

Животина всё ещё дышала с трудом, но теперь уже просто от влажного воздуха и тяжёлого груза. Напряжение погони ей удалось пережить.

—Что ты имеешь в виду? — спросил я.

—Только то, что тебе, к сожалению, не хватило ума, чтобы не разрушать мои планы. Не то, чтобы я был провидцем.... но уж ты-то знаешь, Джей Би, что если я предвижу какие-то события, то редко ошибаюсь. Подумай сам: ты и Стив Бакстер, на скаку. У тебя винчестер, у него кольт. На чьей стороне преимущество? Сколько раз ты мог подстрелить его?

—Он там, вообще говоря, был не один, — промолвил я, отводя глаза.

Никак не могу избавиться от привычки смотреть в сторону, когда он меня распекает. Проклятье! Кому угодно могу смотреть в глаза, не моргнув, в любой ситуации, а вот от Боунза взгляд отвожу.

Джефф, поглаживая лошадь, покуда она пила, кивнул го-

ловой.

— Не один. Но, кажется, я неплохо тебя обучил, и ты умеешь отличать действительно опасных противников. Итак, ты десять раз мог убить шерифа. А чем ты занимался вместо этого? Перестреливался с Нэдом Гэллоуэем, который, не будь дурак, прятался за спинами слуг. В итоге уцелели и он, и шериф.

Меня не удивило, что Боунз, почти не принимавший участия в перестрелке, просто скакавший впереди меня, в точности знает всё, что происходило у него за спиной. Такой уж у него талант: видеть всё и всё принимать во внимание.

— Моя ошибка простительна, — продолжал Боунз. — Я не видел шерифа и его помощника вблизи. Телосложением они схожи, к тому же, меня ввела в заблуждение шляпа. А твоя ошибка была прямым следствием глупости.

— Да о какой ошибке ты говоришь? — воскликнул я, заставляя себя посмотреть в глаза Джеффу.

В его чёрных глазах плясали злые искорки.

— Какого чёрта тебе потребовалось пристрелить его сестру, Джей Би?

При воспоминании об Амелии я вздрогнул. Снова, будто наяву, увидел я её большие голубые глаза, чуть приоткрытый рот — даже в самый страшный миг она не кричала. Не знаю, почему. Она просто смотрела на меня, и взгляд выражал больше, чем мог бы когда-нибудь выразить голос...

— При чём тут... — начал говорить я, но не закончил вопро-

са: горло перехватило.

Колючие глаза Боунза царапнули моё быстро застучавшее сердце.

–Ты что, правда не понимаешь? Может, хоть попробуешь поразмыслить?

Я не хотел ни о чём размышлять. Ангельское личико Амелии так и стояло перед глазами. Я словно заново переживал события минувшей ночи... Точнее – события, произошедшие уже утром.

–Не суетись, Джей Би!

Боунз был раздражён. Во всяком случае, он выглядел раздражённым. На самом деле – я был бы готов поставить на это последний доллар – он оставался таким же хладнокровным, как и всегда.

–Не суетись и отлипни от окон. Выстрелов явно никто не слышал. Раз уж по наши души никто не явился до сих пор, значит, всё утро в нашем распоряжении.

–Мало ли... – неопределённо сказал я.

–Во всяком случае, перестань суетиться. И сразу учти: уезжать мы тоже будем без спешки. Никакой скачки, никакого облака пыли до небес. Даже если нас кто-нибудь встретит в десяти милях от ранчо, он увидит двух неспешно едущих по своим делам джентльменов, а не улупётывающих бандитов. Ты хорошо осмотрел кладовую?

–Нет. Извини, Джефф, но там можно копошиться до зи-

мы. И вообще, я уверен, что Амелия сказала правду. Да и тот парень, вопли которого разносились по всему дому, кажется, ничего нового тебе не открыл. Мы взяли всё, что могли. Пора сваливать.

Боунз вздохнул и, жестом велел мне следовать за ним, направился к лестнице на второй этаж. Сердце у меня дрогнуло, и я поспешил за старшим товарищем.

Наши шаги глухоли в мёртвой тишине, которая окутывала дом. Уже наверху Боунз промолвил:

–Иногда ты поражаешь меня бестолковостью, Джей Би. Парень, которого я кромсал, всего лишь слуга. Он и о тайнике в кладовой ничего не знал. Другое дело – Амелия. Любимая дочь старика Фрэнсиса должна знать больше.

Он толкнул одну из украшенных резьбой дверей, и мы вошли в девичьи покои. Оставленные мной свечи оплыли и погасли.

Боунз распахнул окно, впусив в комнату рассвет.

Если не обрывков одежды на полу и разорённого туалетного столика, из которого я выгреб украшения, в комнате царил идеальный порядок.

Поза Амелии не изменилась. Голова девушки по-прежнему лежала на плече. Верёвки впивались в тело, едва прикрытое нижней рубашкой из тончайшей ткани, должно быть, того самого заокеанского шёлка, о котором я только слышал, но которого никогда не встречал. Женщины, с которыми сводила меня судьба, и мечтать не могли о белье из настоящего

шёлка.

Пальцы Боунза легли на изящно очерченный подбородок Амелии. Он поднял её смертельно бледное лицо, мотнул из стороны в сторону – голова так же безвольно повисла.

– Ты её вообще допрашивал? – поинтересовался Боунз.

– Я всё сделал по твоему совету, – ответил я. – Сказал, что её судьба решена. Что вопрос только в том, умрёт ли она быстрой смертью от пули или долгой – от боли и унижений.

Скептическая гримаса исказила волчье лицо Боунза.

– И, конечно, глупенькая девчонка заявила, что ничего не знает?

– Джефф, мы взяли сейф! – воскликнул я. – Все свои богатства Фрэнсис держал там.

– Дурень ты, Джей Би. В сейфе лежал неприкосновенный запас: золотой песок – не самое удобное средство оплаты, и я ни за что не поверю, будто Фрэнсис, заключая сделки, каждый раз лазал туда и отмерял унции. Мы давно знаем, что в банке он держит тысяч семь-восемь, и я убедился, что это правда, полистав его финансовые книги. Понимаешь? Торговля скотом и всякой мелочью – это для отвода глаз, куда он вкладывал остальные деньги, мы так и не узнали. Но старик должен стоять не меньше восьмидесяти тысяч!

– Что теперь можно сделать? – пожал я плечами. – Джефф, мы и так взяли отличный куш...

Боунз взял со стола кувшин с водой и плеснул на лицо Амелии. Девушка вздрогнула и со стоном открыла глаза. Её

нижняя рубашка, которую я разорвал у горла, намокнув, стала почти прозрачной. Очаровательные груди с тёмными ореолами сосков притягивали взгляд, но почему-то мне совсем не хотелось на них смотреть. Голубые глаза, в которых плескалось страдание, словно приковали к себе мой взор.

– Почему я всё ещё жива? – спросила она слабым голосом, сморгнув влагу с век и разглядев нависшего над ней Боунза.

– Потому что не ответила на самый главный вопрос. Где деньги твоего отца?

– В сейфе.

– Чёрта с два. Там золото тысяч на двадцать. Где остальной капитал?

– Я не знаю...

Боунз резко замахнулся, словно собирался ударить её, хлёстко и жестоко, как бил мужчин. Амелия зажмурилась и втянула голову в плечи. Однако кулак замер в дюйме от её лица. Между делом Боунз бросил на меня мимолётный, но пристальный взгляд.

Я стоял, не дыша. Но ничего не делал. И сам наперёд знал, что ничего не сделаю, чтобы остановить напарника.

– Я не собираюсь тратить время на враньё, детка, – сказал Боунз Амелии, когда её взгляд стал осмысленным. – Сейф мы уже выгребли. Тупому койоту понятно, что там не всё. Куда Фрэнсис девал свои деньги?

– Я не знаю! – негромко, но твёрдо произнесла Амелия. – И не могу знать. Отец – владелец, но делец – мой брат Нэд.

Он – настоящий хозяин. И поверьте, вы ещё пожалеете, что связались с ним. Нэд не умеет прощать.

– Вот как? – усмехнулся Боунз. – Похоже, ты пытаешься убедить меня в том, что нам от тебя нет никакого проку? Что ж, пусть будет так...

С этими словами он в два движения сорвал с неё рубашку. Обрывки повисли на верёвках, впившихся в тело.

– Вы обещали! – воскликнула она. – Обещали просто убить!

– Если ты поможешь нам разбогатеть. Но если в этом деле ты нам не помощница – принесёшь пользу, как обычная девка.

Он вынул нож и разрезал на ней верёвки. Амелия вскочила, пытаясь запахнуть на груди то, что осталось от рубашки. Однако, проведя всю ночь связанной, она не совладала с собственным телом и упала на ковёр. Боунз легко, как пушинку, поднял девушку и швырнул на постель.

– Но я и правда ничего не знаю! – простонала она.

– Плевать, – бросил Боунз и обернулся ко мне. – Хочешь быть первым?

– Джефф, у нас нет времени! – прохрипел я.

Лицо Боунза потемнело.

– Тогда иди и навьючивай лошадей. Я не задержусь надолго.

Я не сдвинулся с места.

– Или всё-таки передумаешь? – спросил Боунз. Не до-

ждавшись ответа, он скривил губы в презрительной ухмылке. – Да что с тобой, парень? Столько лет ты стремился к единственной цели – и вдруг остановишься только потому, что тебя очаровала милая мордашка?

–Моей ненависти хватит на всех Гэллоуэев! – горячо воскликнул я.

Пожалуй, даже слишком горячо, потому что, как сам окончательно понял только в эту минуту, Джефф оказался прав.

Амелия понравилась мне с первого взгляда, когда вчера вечером впорхнула в гостиную ещё ничего не подозревающей весёлой птичкой. Вскоре пришла весть о том, что Чарли Бишоп, более известный в Роксделле как Рваная Губа, пристрелил Салли Томпсона. Нэд вместе с тремя своими людьми бросился в погоню. В последующие часы, когда в доме стояла гнетущая тишина, Амелия была уже не щебечущей птичкой, а спокойной и уравновешенной хозяйкой, которая одним своим присутствием умиряет разыгравшиеся нервы мужчин. И такой она понравилась мне ещё больше.

Однако сознаваться перед Боунзом в слабости я не собирался и прибавил как можно более рассудительно:

–Просто из всех Гэллоуэев эта девчонка виновата передо мной меньше всего. И, ей-богу, Джефф, мы сильно рискуем, задерживаясь. Ради чего?

Боунз молча ухватил девушку за лодыжку, притянул к себе и раздвинул её ноги.

Револьвер оказался в моей руке раньше, чем я сообразил, что делаю. Грянул выстрел. Пуля пробила сердце Амелии.

– Черти тебя дери, Джей Би! – взревел Боунз.

Мне даже показалось, что он готов прикончить меня. Возможно, в эту минуту у него был шанс. Хотя я и выучился стрелять лучше своего учителя, едва ли сумел бы вовремя среагировать. Только что совершённое мной убийство, без преувеличения, потрясло меня!

– Навьючивай коней, идиот! – сердито бросил мне Боунз.

Я поплёлся вниз. Он вскоре спустился следом, на ходу сматывая верёвку.

Не прошло и четверти часа, как мы покинули превратившееся в могилу ранчо.

Я был уверен, что Боунз прихватит в загонах Гэллоуэев лишние лошадей, однако Джефф возразил:

– Больше лошадей – больше следов, а наше спасение – в скрытности.

По его плану, нам следовало добраться до Туманной Лощины, не привлекая внимания.

– А там-то я хорошо осмотрелся, сумею запутать следы, – говорил он.

Всё шло, как планировал Боунз. Мы неспешно ехали на запад. Один раз мы попались на глаза ковбою, осматривавшему окрестности с вершины отдалённого холма. Это был работник одного из окрестных ранчо. Из-за холма поднималась пыль: там проходило небольшое стадо. Ковбой, вероят-

но, хорошо рассмотрел нас, но не придавал нашему появлению никакого значения. Два путника выехали из Роксделла – эка невидаль!

–Отлично, – промолвил Боунз. – Рваная Губа отработал свои двести долларов.

Именно столько Джефф заплатил Чарли Бишопу за убийство Томпсона. Салли был одним из тех торговцев, в лавке которых можно приобрести всё, что угодно, а с чёрного хода – и того больше.

Нэд Гэллоуэей часто навещался к нему – и когда я сообщил Боунзу об этом наблюдении, судьба Томпсона была решена. Не знаю, как Джефф отыскал Бишоп. Рваная Губа жил в Роксделле, но я всё время, проведённое в городе, не только не встречал его, но даже не слышал о нём. Так или иначе, Чарли Бишоп, уродливый здоровяк заметно за сорок лет, без малейших вопросов согласился бросить на произвол судьбы свою убогую хижину, в нужный день застрелить ничего худого ему не сделавшего Томпсона и удрать куда глаза глядят.

Сотню он получил вперёд, вторую – сразу после рокового выстрела. Боунз вручил ему деньги прямо за оградой заднего двора торговца Салли. Рваная Губа поднялся в седло и поскакал на север. Боунз, оставаясь в тени, убедился, что слух об убийстве разнёсся по городу, и направился к ранчо Гэллоуэев.

Расчёт, сперва казавшийся мне слишком ненадёжным,

оправдался. В погоню за убийцей Томпсона отправились все законники Роксделла и – на что я не надеялся, но чего без малейшего сомнения ожидал Боунз – Нэд Гэллоуэей с трёмя надёжными слугами.

Дальнейшая судьба Бишопа не волновала нас. Попавшись в руки преследователей, он мог рассказать лишь о договоре с незнакомцем, который всё время оставался в тени и не показывал своего лица. Главным было одно: он увёл за собой часть наших врагов и дал нам спокойно провернуть дело на ранчо Гэллоуэев.

– Похоже, Рваная Губа продержит шерифа и Нэда вдали от Роксделла ещё дня три, – поделился со мной соображениями Боунз около полудня. – Сейчас, конечно, все уже знают о резне на ранчо, но едва ли кто-то решится преследовать нас.

Едва солнце перевалило за полдень, дорога свернула в сторону, с большим запасом огибая Туманную Лощину. Здесь мы покинули дорогу, свернув на каменистый распадок. По приказу Боунза я, спешившись, вернулся и внимательно осмотрел обочину, чтобы убедиться, что мы не оставили следов.

Миновав распадок, мы сделали привал у ручья, дали отдохнуть коням. Единственный раз обмолвившись о произошедшем на ранчо, Боунз больше не поминал тех событий, за что я был ему благодарен. Пожалуй, впервые в жизни совершённые убийства тяготили меня.

Вернее, одно убийство.

Мы хорошенько подкрепились и вновь оседлали лошадей. Наш путь лежал дальше на запад, по ту сторону Туманной Лощины. Там, на берегу Уайтстоун-ривер, лежал посёлок с тем же названием, где мы намеревались обзавестись лодками и проплыть до Палмер-вэлли – местечка, лежавшего от Роксделла в направлении, прямо противоположном тому, в котором уводила только что оставленная нами торная дорога.

У Боунза были просчитаны и дальнейшие шаги, но теперь нет смысла вспоминать их. Когда пересекли ручей, я оглянулся. Мёртвая Амелия всё ещё занимала мои мысли, но привычки тела, закалённого полной опасностей жизни, никуда не делись. Я не забывал внимательно осматриваться по сторонам, и уже на переправе заметил появившиеся из распадака фигуры восьмерых всадников.

Похоже, Бишоп не оправдал ожиданий!

Похоже, его настигли уже ночью. Шериф, Нэд и прочие не стали тратить время на отдых. Они сразу же повернули обратно и явились в Роксделл ещё утром. Разумеется, узнав о случившемся, они тотчас бросились в новую погоню.

Наши преследователи были измотаны, но лошадей сменили. И им хватило сообразительности проверить распадок. Мы же с Боунзом, тоже больше суток не сомкнувшие глаз, ехали на тяжело гружёных лошадях.

Надеяться было не на что – кроме наших ружей и твёрдых рук.

Последовала бешеная скачка, потом яростная перестрелка в Туманной Лощине.

И вот мы с Боунзом всё ещё живы. Едва держась на ногах от усталости, бредём вдоль ручья, то ли безымянного, то ли давно утратившего имя, потому что ему выпало течь по проклятому месту, которого старательно избегали даже в разговорах. И Боунз вдруг вернулся к вопросу, которого я очень не хотел слышать.

—Ну же, Джей Би! Почему ты убил Амелию Гэллоуэй?

—Какое это теперь имеет значение? — устало огрызнулся я.

—Хочешь знать? О'кей, я объясню, — сказал Боунз. — Как я уже сказал, я далеко не провидец. Я всерьёз рассчитывал на Рваную Губу Бишоп. Но всё-таки допускал, что погоня возможна. Нэд Гэллоуэй — один из двух людей, которые сейчас представляют для нас наибольшую опасность. Он расчётливый дьявол и хладнокровный убийца. Хладнокровный, Джей Би! Лишить его хладнокровия — значит лишить важного преимущества. А, наконец-то в твоих глазах засветилась мысль!

—Ты собирался изнасиловать Амелию только для того, чтобы разъярить Нэда?

—А ты правда думал, будто меня привлекли её незрелые прелести?

—Но разве всего остального, что мы сделали на ранчо, было недостаточно?

—Джей Би, ты задаёшь вопрос, на который уже получил ответ — не далее, как полчаса назад. Гэллоуэй — люди далеко

не святые. Каждый из них в глубине души знает, что заслужил удар в спину. И, как видишь, простое убийство не лишило Нэда самообладания. Мёртвая Амелия вызвала в нём только холодный гнев. А вот Амелия живая, но растоптанная, униженная, изувеченная – о, такая Амелия не отпускала бы его мыслей! Он бы постарался вырваться вперёд – и сходу поймал бы твою пулю.

– Это ведь всего лишь предположение? – помедлив, спросил я. – Не можешь же ты настолько хорошо знать Нэда Гэллоуэя?

– Я знаю людей, Джей Би, – ответил Боунз. – Возможно, и ты когда-нибудь научишься правильно оценивать окружающих. Если нет – хотя бы просто слушайся меня.

– Хорошо, – кивнул я.

– Вот и славно. Значит, я могу рассчитывать на то, что в следующий раз ты не станешь сомневаться в моих приказах?

– Конечно, Джефф. Ведь другой Амелии я уже не встречу.

Он помолчал и спросил уже более мягким тоном:

– А девчонка тебя зацепила, Джей Би?

– Да, Джефф. Она меня зацепила. Прости, но я всё равно не сожалею о своём поступке. Вернее сказать, сожалею... Да, ещё как сожалею! О том, что не смог спасти её.

– Вот как... – озадаченно протянул Боунз. – И ты отказался бы ради неё от мести?

– Ну уж нет! Я бы хотел, чтобы Амелии вовсе не было. Без неё всё было бы проще.

—Что ж, твоя надежда сбылась. Её больше нет. Правда, я бы не сказал, что всё у нас так просто. Мы с тобой попали в серьёзную переделку. Однако у нас ещё есть шанс.

—Какой же?

—Скоро узнаешь.

Глава 3. Невидимые крылья

Плющ, бурьян и лесной молодняк так и не смогли скрыть пожарище. Чёрные балки торчали из зарослей, словно гниющие кости какого-то гигантского чудища.

Похоже было, что огонь отбушевал здесь, самое меньшее, десять лет назад.

– Индейцы? – спросил я, осматривая местность.

– Сам как думаешь? – вопросом на вопрос ответил Боунз.

Загон для лошадей и прочие пристройки, хотя и обветшавшие, по-прежнему стояли на своих местах. Уцелела и хижина, стоявшая чуть в стороне на пригорке.

– Индейцы сожгли бы всё, – сказал я.

– Я подумал так же, – согласился Боунз. – Здесь поработали белые. И готов поставить последний доллар на то, что это были роксделлыцы. Поджарили неудобную семейку и постарались навсегда забыть не только её, но и название лощины.

Я поёжился. Мне много чего доводилось повидать в жизни, и сделать немало такого, от чего бросило бы в дрожь обычного человека. Но некоторые формы жестокости были мне непонятны и по-своему страшили.

Как люди – мирные, искренне бледнеющие при рассказах о проделках людей вроде меня! – способны со свистом и улюлюканьем провожать кого-то на виселицу?

Или как здесь: обложить сеном чей-то дом, подпалить и

стоять вокруг, слушая, как вопят внутри сгорающие заживо люди?

Я всегда так рассуждал: хочешь чьей-то смерти – бери кольт и стреляй, а не прячься за спины соседей. И, во всяком случае, потом не строй из себя праведника.

Как-то давно я поделился этими мыслями с Боунзом, и он сказал мне, что моя ненависть к «мирным людям» – не более, чем попытка самооправдания.

–Ты убиваешь их – и нарочно ищешь в них недостатки, чтобы успокоиться свою совесть, доказать себе, что так и надо, что они на самом деле получают по заслугам. Это твоя слабость. Хочешь стать хорошим стрелком – избавляйся от неё.

–Но разве я не прав? Разве это не худшая ложь – осуждать насилие, а самим бить исподтишка, терзать толпой?

Мне едва перевалило за шестнадцать, когда я задавал эти вопросы.

Боунз отвечал с усмешкой:

–Это ханжество. Такое же самооправдание. Так что, будь любезен, не уподобляйся им, у меня нет желания путешествовать бок о бок с ханжой. Запомни несколько верных правил, которые всё расставят в твоей голове по местам. Перво-наперво, возьми свою совесть, зашвырни подальше и никогда не подбирай. Толку от неё никакого, одна помеха. Во-вторых, зашвырни подальше мысли о правде и лжи. Это лишь слова. Правду говорят, когда это выгодно, ложь гово-

рят, когда невыгодна правда. Пойми, что кому выгодно, и никогда не будешь ломать голову над тем, правду тебе говорят или ложь.

—Что ещё нужно зашвырнуть подальше? — хмуро поинтересовался я.

—И никогда не подбирать, — добавил Боунз. — Да всю прочую чушь, всё, что не связано с выгодой. Например, мысли о том, кто прав, а кто виноват. Все в чём-то виноваты, правых нет, только и это неважно. На свете все без исключения лживы, все подлы и никто никогда не получает того, что заслужил. Получают только то, до чего дотянулись руки. Или — если говорить о чём-нибудь неприятном — получают то, от чего не смогли отбиться. Иди своей дорогой и не думай о постороннем.

—Но моя дорога когда-нибудь приведёт к Гэллоуэям, — сказал я тогда. — Я хочу, чтобы они получили то, что заслужили.

—Твоё желание — это твоё желание. Но, чего бы, на твой взгляд, ни заслужили Гэллоуэи, получат они только то, от чего не смогут отбиться, и ни на гран больше, — пожал плечами Боунз. — А мысли о справедливости советую зашвырнуть подальше...

—И никогда не подбирать?

—И никогда не побирать.

Он убедил меня. Мысль о том, что, обвиняя в чём-то других, я становлюсь ханжой, отрезвила меня. Но мальчишеские вопросы не исчезли подчистую, затаились где-то в глу-

бине души. Вид пожараща вновь воскресил их.

А вот Боунза жутковатое зрелище, кажется, бодрило!

—Вот и наша надежда, — объявил он и снизошёл до объяснений.

Туманная Лощина тянулась с севера на юг не меньше, чем на четыре мили. Она изгибалась полумесяцем, и северный конец её смотрел на запад. Понятное дело, там нас должны были ждать в первую очередь, ведь именно в западном направлении мы скрылись из Роксделла.

Но рассчитывать на то, что два других выхода не караулятся, не приходилось.

Глядя на солнце (было уже часов пять вечера), Боунз сказал:

—У них вдоволь времени, чтобы привести из Роксделла подмогу. Но прочесать лощину до ночи им никак не успеть. А ночью они сюда не сунутся.

—Почему ты в этом уверен?

—Я исходил эту лощину вдоль и поперёк. Как чувствовал, что она нам понадобится. Здесь нет ни единого следа. Понимаешь? Люди по-настоящему боятся этого места. Уверен, тут дело не только в нечистой совести роксделльцев. Они наверняка запугали себя какими-нибудь колдовскими бреднями. Нет, ночью сюда никто не сунется. Они будут караулить выходы из лощины, но искать нас начнут не раньше утра.

—И что мы будем делать?

—Отдыхать. Будем спать по очереди — на случай, если под-

крепление придёт раньше, чем я думаю, и они рискнут войти в лощину до темноты. Потом ещё половину ночи можно отдыхать. А под утро нанесём удар.

Звучало это всё, на мой взгляд, не слишком обнадеживающе.

— У каждого выхода будет по полдюжины человек, а сейчас — только по одному, — заметил я.

— Сейчас, при свете, мы — лёгкие мишени для засевшего в засаде стрелка. А стрелки нас ждут вполне приличные. Что Нэд, что шериф способны уложить нас обоих исподтишка раньше, чем мы их заметим. Иное дело ночью. Нашими союзниками будут туман, темнота и страх. А это надёжные союзники, уж ты мне поверь.

— Ладно, Джефф, я тебе верю, — вздохнул я. — Чёрт меня побери, если я понимаю, как работает твоя голова, но она редко нас подводила. А что насчёт тех опасностей, которых опасаются роксделльцы? Ты не думаешь, что они могут угрожать и нам?

— Ты боишься привидений, Джей Би? — спросил Боунз таким тоном, словно намеревался услышать что-то для себя новое.

— Мы вместе уже семь лет, — напомнил я. — Ты лучше меня можешь ответить на этот вопрос.

— Осматривая Туманную Лощину, я провёл в ней, общим счётом, день, ночь и ещё половину дня. Как видишь, ничто не изменило моего отношения к призракам. А если даже они

здесь и водятся, то наверняка примут нашу сторону, потому что в их смерти виноваты не мы, а роксделльцы! Идём...

Держа лошадь под уздцы, он зашагал прямо к пожарищу. Я оглянулся на хижину, удивившись, что Боунз её проигнорировал. Лучшего места, чтобы обозреть окрестности, невозможно было придумать.

Боунз проследил за моим взглядом и усмехнулся.

—Какое самое важное правило на тропе войны? — спросил он.

—Никогда не делай то, чего ждёт от тебя враг!

Я дал наизусть вызубренный ответ — и только теперь понял, что хижина не только отличный наблюдательный пункт, но и смертельная ловушка в случае окружения. Если роксделльцы отважатся войти в лощину до заката, мы окажемся там в западне.

По ту сторону пожарища, футах в ста от чёрных костей погибшего дома, Боунз присмотрел распадок. В нём мы привязали лошадь, дав ей, наконец, отдохнуть от груза, седла и подпруги.

—Огонь всё же лучше не разжигать, — вздохнул Боунз, открывая мешок с припасами. — Ничего, нам не привыкать питаться солониной...

Однако мне пришла в голову другая идея.

—На тропе войны есть одна немаловажная правило, — напомнил я.

—Ну-ка, удиви меня!

— Не делая того, что ждёт от тебя враг, постарайся всё же убедить его в том, что ты делаешь именно то, чего он ждёт!

В хижине, на удивление, отлично сохранилась вся обстановка. Поджигатели ограничились тем, что повыбивали окна камнями. Покрытая толстым слоем пыли утварь стояла на своих местах. Можно было без труда определить, что в ту роковую ночь живший здесь слуга уже отужинал и сложил грязную посуду в лохань для мытья. Потом, по всей видимости, он выбежал наружу, услышав чужие голоса, и там нашёл свою — полагаю, весьма незавидную — судьбу.

Крыша прохудилась, и постель превратилась в грудку гнилого тряпья. А вот запас хорошо высушенных дров не весь рассыпался в труху. Дымоход очага, конечно, засорился, но я быстро прочистил его.

Потом приготовил горячий ужин и сварил кофе. Боунз следил за окрестностями. Покончив с едой, мы укрылись рядом с лошадью. Напоследок я ещё подбросил топлива в очаг, на сей раз не пренебрегая и трухлятиной, так что дым из трубы ещё долго «выдавал наше присутствие».

Боунз лёг спать, завернувшись в одеяло. Солнце клонилось к закату. Преследователи так и не появились.

Думая о них, я всё меньше верил в безумный замысел Боунза. Возможно, следовало припрятать золото и, бросив лошадь, выбраться из лощины пешком. На своих двоих мы бы преодолели крутые склоны далеко от тех мест, где преследователи ждали нашего появления.

Но предлагать эту идею я не стал. Наверняка Боунз скажет, что потом нам не удастся вернуться за золотом. И, если поразмыслить, будет прав.

После резни на ранчо Гэллоуэев можно рассчитывать убежать от петли, только отгородившись от Роксделла границами двух-трёх штатов.

Причём желательно, чтобы один из штатов был мексиканским.

Чтобы отвлечься от невесёлых дум, я перевёл взгляд на чёрный остов сгоревшего дома.

Кто в нём обитал? Чем заслужил жестокую расправу?

На ум поневоле шли мысли о колдовстве. Страха они не внушали. Древние проклятия, индейская магия, ведьмовство, нашедшее в Новом Свете спасение от преследования европейских церковников... Таких баек можно вдоволь наслушаться, скитаясь по Великим Равнинам. Как и Боунз, я никогда не придавал им значения.

Я верил только в то, что видел своими глазами. По крайней мере, когда был трезв.

Однако я не раз убеждался, что многие люди серьёзно относятся к суевериям. Может статься, Боунз и сумеет обратить страхи роксделльцев против них самих.

Два часа я отстоял на страже. Над трубой хижины по-прежнему курился дымок. Солнце подбиралось к краю обрыва, служившего западной границей Туманной Лощины.

Я разбудил Боунза. Спал он, как всегда, чутко и открыл

глаза, едва я протянул к нему руку.

—Всё тихо? — спросил он.

—Ни малейшего движения.

—Отлично. Теперь уж нет сомнений: в такой час рокс-делльцы не спустятся в лощину. Но, как и условились, я постою на всякий случай до темноты. Потом возьмёмся за дело...

Не успел он договорить, как в зарослях восточнее нашего укрытия послышался шорох. Мы замерли, держа оружие наготове. Краем глаза я заметил ветку, которая покачивалась в полном безветрии.

Боунз знаком велел мне отправиться на разведку. Я сбросил шляпу и скользнул из распадка.

Красться я умел не хуже индейца. Держась так, чтобы высокая трава всё время скрывала моё продвижение, я скоро достиг края зарослей.

К тому времени я уже не сомневался, что причиной нашего беспокойства стала какая-нибудь сойка. Ничего крупнее в Туманной Лощине, кажется, не водилось. За все часы, проведённые здесь, я не замечал признаков животных, даже птицы были нечастыми гостями в кронах деревьев.

Кроме крылатых созданий, тревожить нас было некому.

Правда, чувство, будто за мной наблюдают, так и не исчезло. Но оно по-прежнему было слабым, едва различимым, и ничем не напоминало пристальный враждебный взгляд. Я притерпелся к нему и не обращал внимания. Не обострилось

оно и сейчас. А я знаю по опыту: скрывайся за ветвями кто-то, желающий мне смерти, у меня давно бы уже встали дыбом волосы на загривке, точно шерсть у охотничьего пса.

Тем не менее, я внимательно осмотрелся, но не обнаружил ни отпечатка подошвы на земле, ни единой примятой травинки.

Я успокоился и, поднявшись во весь рост, направился обратно. На ходу я покачивал ружьём, задевая дулом верхушки травинок.

Снова шорох...

Я резко обернулся.

На сей раз звук раздался намного ближе. Я явственно различил шуршание перьев. Сотни раз добывая себе пропитание охотой, я ни с чем не спутал бы хлопки птичьих крыльев. Правда, разглядеть саму птицу так и не удалось.

Для сойки крылья вроде бы крупноваты... И всё-таки это не что иное, как птица!

–Всё в порядке! – сообщил я, приближаясь к укрытию.

Тишина была мне ответом.

Неужели, пока я отсутствовал, Боунз заметил ещё что-то подозрительное? И пока я шагаю, играя с травами, как мальчишка, с другой стороны к распадку приближается враг?

Обругав себя за самонадеянность, я прошагал мимо распадка, словно бы в сторону хижины, чтобы не выдавать нашего укрытия. Достигнув густого кустарника, я стремительно скрылся за ним.

Потекли минуты ожидания. Я различал даже шуршание букашек в траве – и больше никаких звуков. Только послышался храп и негромкий перестук копыт привязанной лошади. Животное как будто не испытывало никакой тревоги.

Что происходит? Почему Боунз не ответил мне?

Выждав безрезультатно ещё несколько минут, я начал осторожно пробираться к распадку. Словно змея, скользил я между корявыми стволами кустов. А когда достиг края распадка, замер.

Боунз спал! Лежал, закутавшись в одеяло, точно я не будил его совсем недавно!

Лошадь переступила копытами при моём приближении. Боунз тотчас открыл глаза и внимательно посмотрел на меня.

–Всё тихо? – спросил он.

Прежде, чем я успел отметить про себя, что он произнёс те же слова, которые уже недавно произносил, с моих губ само собой сорвалось:

–Ни малейшего движения.

–Отлично.

Он поднялся на ноги и поделился теми же соображениями, которые я уже слышал. Только вместо слов «Потом возьмёмся за дело» заметил:

–Ты как будто сам не свой.

–Устал, – пожал я плечами.

Рассказывать о нелепом приключении не хотелось. Тем

более, и лгать-то не пришлось: я действительно изрядно вымотался.

—Ложись, — сказал Боунз.

Я не заставил просить себя дважды и закутался в его одеяло. Засыпая, успел подумать, что злую шутку со мной сыграл, конечно же, мой собственный мозг, утомлённый полутора напряжёнными сутками.

Чего только за них не произошло! Я играл чужую роль, убивал, искал золото, скрывался от преследования... Никаких сомнений: расслабившись после горячего ужина, приготовленного в заброшенной хижине, я задремал на часах.

Задремал, как видно, стоя, не погрузившись в сон полностью, но переживая события, которых подспудно ожидал. Ползание по округе пригрезилось мне, поскольку я был напряжён и опасался, что враги окажутся храбрее, чем рассчитывал Боунз.

Успокоив себя этими мыслями, я провалился в настоящий сон.

Пробуждение наступило, кажется, в ту же минуту.

Глава 4. «Огня! Огня!»

Громкие крики заставили меня сбросить одеяло. Торопливо сунув босые ноги в сапоги, я выскочил за дверь.

Вокруг дома смыкалась толпа. Многие размахивали факелами. В их свете изломанные тени беснующихся людей на стенах казались душами грешников, корчащихся в адском пламени.

Я торопился как мог. В глубине сознания вспыхивали удивлённые мысли: отчего я хромаю, откуда у меня в руках дробовик, что я вообще делаю в этом месте? Однако слабые ноги сами несли меня вперёд.

Из толпы полетели камни. С режущим душу треском стали лопаться стёкла. В глубине дома грянул выстрел. Пришельцы тотчас открыли ответный огонь: многие принесли с собой ружья и револьверы.

—Огня, огня! – вопил кто-то в длиннополом сюртуке.

Я вроде бы никогда не видел этого человека, но вместе с тем твёрдо знал, что его зовут пастор Кейн, и что за происходящее он в ответе более других. Знал я почему-то и то, что он встретит смерть следующей ночью. Его найдут в собственной постели и устрашатся выражению непередаваемого ужаса на лице. Он умрёт от разрыва сердца.

При этом никаких следов проникновения в его жилище никто не обнаружит. Только старый негр, прислужник пас-

тора, расскажет, будто слышал ночью хлопанье крыльев.

А пока он, тощий, нескладный, прыгал за спинами роксделльцев и вопил:

—Огня! Только огонь убьёт скверну!

Вязанки хвороста, предусмотрительно прихваченные палачами, полетели к дому. Об стену разбился глиняный кувшин с маслом.

Я не испытывал страха. Проворно хромая, я прорвался сквозь толпу, щедро раздавая удары прикладом.

—А ну, осадите, парни! — рявкнул я, оказавшись перед крыльцом и повернувшись к роксделльцам. — Какого чёрта вы надумали изображать из себя святую инквизицию? Мисс Рейна живёт в Туманной Лощине уже семь лет, и никому не сделала ничего плохого. И не вздумайте мне поминать Билла Кингсли! Этот идиот сам виноват в своих бедах.

—Замолчи, прислужник сатаны! — брызжа слюной, перебил меня пастор Кейн. — Твоя хозяйка прельстила Билла Кингсли дьявольскими соблазнами и заразила скверной, которая пожрала его мозг!

—Слишком громко сказано, Кейн! — усмехнулся я. — Если скверна вознамерилась утолить голод мозгами Кингсли, она осталась голодна, ведь мозги в его голове и не ночевали. Иначе бы он не вообразил, будто мисс Рейна избавит его от мужского бессилия. Да только моя госпожа ничего ему не обещала, а дохлому лососю, сами знаете, уже не выпрыгнуть из воды...

Билл Кингсли, о котором шла речь, был удачливым ковбоем и по-своему неплохим человеком. Однажды ему довелось спасти стадо от индейского набега. Получив за храбрость щедрое вознаграждение, Билл не придумал ничего лучше, как пуститься в загул, в котором за другие «подвиги» получил иную «награду».

Болезнь скверного свойства не свела его в могилу, но лишила, по его собственным словам, смысла жизни. И он обратился за помощью к мисс Рейне, затворнице из Туманной Лощины.

Конечно, она ему отказала, как отказывала всем, кто тайком приходил к ней на порог. Рейна не была той ведьмой, которую обычно рисует молва. Она не летала на метле, не наводила порчу, и уж подавно не откликалась на просьбы сжить со свету врага или приворожить непокорную красавицу.

Хотя, наверное, могла бы всё это делать...

Насколько я знал, лишь один человек сумел влить в её уши свои просьбы.

Семь лет назад Рейна пустила в своё сердце и в свою постель Фрэнсиса Гэллоуэя, у которого и купила дом в Туманной Лощине. Что её покорило? Красноречие статного и сильного мужчины, по-своему красивого, умного, смелого и обходительного? Или то, что он оказался в беде, несравнимой со всеми прочими бедами, с которыми могут столкнуться рядовые люди?

Их связь продлилась недолго, но расстались они отнюдь

не врагами. И Рейна не смогла отказать ему в просьбе наворожить удачу.

—Я многое теряю с этим домом, — сказал он ей. — Без удачи я обречён.

—Удача и горе часто ходят бок о бок, — предупредила Рейна. — Где одно, там часто и другое.

—Я знаю только одно место, где гарантированно нет ни того, ни другого. Это могила, — ответил Фрэнсис. — Пока я не в ней, мне нужно всё, что может дать жизнь.

Он не был хорошим человеком, Фрэнсис Гэллоуэй, совсем не был. Но, пожалуй, я отчасти понимал госпожу, открывшую для него своё сердце.

Дела Фрэнсиса после этого и впрямь пошли в гору. Но я крепко сомневался, что он кому-то рассказывал о своих отношениях с затворницей из Туманной Лощины.

Тем не менее, люди время от времени приходили к дому Рейна. Приходили, таясь от соседей и как будто даже от самих себя. Приходили со своими жалкими мольбами.

И уходили ни с чем. То же произошло с Биллом Кингсли. Так и не вернув себе вожацкую мужскую силу, ради которой обещал даже заложить душу, он сошёл с ума. И в помутнении рассудка похитил Грету, очаровательную дочку владельца салуна Шульца, к которой, как говорили, собирался посвататься.

Беднягу Шульца он при этом тяжело ранил, а Грету, проистязав всю ночь, убил. Утром шериф с помощниками на-

стигли его по следам и прикончили в перестрелке.

О своём походе в Туманную Лощину Кингсли, рехнувшись, успел рассказать половине города. Давние страхи роксделльцев, сколь угодно надуманные, но от того не менее значимые в их собственных глазах, успешно раздул пастор Кейн.

Не знаю, что наговорил им этот угрюмый фанатик, но горожане были настроены решительно. Моя попытка образумить их, вероятно, провалилась бы в любом случае, однако насмешка над Кингсли оказалась и вовсе излишней. На меня обрушился поток проклятий из уст роксделльцев.

Один из них, ладный юноша со знакомыми чертами лица, выскочил вперёд, потрясая револьвером.

–Ты защищаешь зло, Ахав! – пылко воскликнул он и попытался пристрелить меня, однако ухитрился промахнуться с расстояния в пятнадцать футов.

–Осади, юный Бакстер! – прикрикнул я на него и выстрелил в воздух.

Да, это был Стив Бакстер, будущий шериф Роксделла. Я словно одновременно увидел его и юнцом среди освещённой факелами толпы, и бывалым служителем закона, который бросился в погоню без шляпы и подстрелил мою лошадь под ясным солнцем.

–Вы собираетесь сделать то, о чём горько пожалеете! – продолжил я.

Но время разговоров прошло, так толком и не начавшись.

Расщепленное Перо не стал медлить после моего выстрела и снова открыл огонь через разбитое окно. Кто-то из горожан упал, раненный.

Теперь перестрелку ничто не могло остановить. Свинцовый ливень обрушился на дом. Я разрядил второй ствол в толпу и скрылся за дверью.

Тяжёлая дверь защищала от револьверных выстрелов, но вот её пробила винтовочная пуля, затем вторая. Мне пришлось пригнуться, чтобы покинуть переднюю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.